

Цѣна годовому изданію 6 руб. сер. въ Москвѣ и Петербургѣ. За пересылку 2 руб. сер. Выходить по субботамъ отъ 1—1½ листа.

ВѢСТНИКЪ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ.

Подписка принимается у книгопродавцевъ: въ Москвѣ: Хрусталева, Базунова, Ротачева, Улитина, Араль, Дейнера, Рено, Урбана; въ Петербургѣ: у Базунова и Ратькова.

1854.

Москва, 24-го Апрѣля.

№ 17.

СОДЕРЖАНІЕ: Бегемотъ (Съ табл.). — Бананъ (Оконч.) — Слѣсь.

БЕГЕМОТЪ.¹⁾

(Съ таблиц. № 9).

Этому животному, въ разные времена, были даны разные названія; такъ, древніе сравнивали его съ лошадыю, принимая, вѣроятно, въ соображеніе только верхнюю часть головы, видимую въ то время, когда Бегемотъ выходитъ на поверхность воды, чтобы подышать; а Голландцы, поселившіеся въ южной Африкѣ, дали ему названіе *Zee-koe*, морской коровы. Всѣ подобныя составныя названія, напоминающія животныхъ, съ которыми Бегемотъ не имѣетъ никакого сходства, очень неудачны, и въ этомъ случаѣ, кажется, люди бѣлые, просвѣщенные обнаружили менѣе смысла нежели туземцы, обыкновенно называемые дикарями. Амазулусы дали Бегемоту названіе особое, не напоминающее ни лошады, ни корову, ни носорога, ни свинью. У нихъ Бегемотъ называется *Омъ-собо*; а это слово хорошо именно потому, что означаетъ просто Бегемота, не устанавливая между нимъ и другими тварями никакого сравненія и не вводитъ въ обманъ воображеніе человѣка, которому не случилось видѣть подразумеваемаго животнаго.

Огромное, подобное бочкѣ, брюхо этого животнаго, поддерживаемое ногами короткими, толстыми, похожими на столбы, чуть не тащится по землѣ; чрезвычайно

большая голова соединяется почти прямо, безъ всякаго видимаго перехода, съ толстою шею, которая безошибочно можетъ быть названа не инымъ чѣмъ какъ продолженіемъ чудовищнаго брюха. Плоское, весьма широкое рыло представляетъ почти правильный четверугольникъ, потому что морда, спереди вертикально сплюснутая, безобразно раздута, въ ширину и брюхо почти равна плоскому лбу. Толстыя губы устьяны крупными, жесткими какъ проволока щетинами; клыки острые, кеглеобразные, совершенно скрыты подъ верхнюю губу. Пасть у Бегемота открывается такъ широко, что онъ можетъ схватить ею человѣка поперекъ. Глаза его и остроконечныя уши, по соразмѣрности очень малы, расположены на самомъ верху головы и почти на одной линіи съ ноздрями, вѣчно раздутыми. Такое расположеніе на одной плоскости этихъ трехъ важнѣйшихъ органовъ чувствъ доставляетъ животному возможность, совершенно скрываться въ водѣ, его любимой стихіи, выставляя только весьма немного морды, чтобы подышать и высматривать иль ли гдѣ какой опасности. Все тѣло его покрыто гладкою безшерстною кожею, которая на спинѣ и по бокамъ имѣетъ отъ 1½ до 2 дюймовъ, на брюхѣ до ¾ дюйма толщины. Цвѣтъ кожи буро-красноватый, на бокахъ и ногахъ почти темно-красный; на задней части и на брюхѣ разсыяны темныя пятна. Подъ кожею простирается на нѣсколько дюймовъ слой полужидкаго жира, который доставляетъ Бегемоту возможность плавать, дѣлая его относительно удальнаго вѣса болѣе легкимъ. Брюхо, губы и вѣки имѣютъ цвѣтъ свѣтлобурый, переходящій въ тѣльный; пальцы на ногахъ облеены общимъ кожистымъ покровомъ, снаружи почти неразбѣльны, и имѣютъ четыре плоскія, широкія копыта, изъ которыхъ среднія два нѣсколько выдаются впередъ.

¹⁾ *hippopotamus amphibius L.* Весь рассказъ взятъ изъ путешествія Делегора по юговосточной Африкѣ (онъ отправился во внутреннія земли изъ Port-Natal) и дополненъ свѣдѣніями, заимствованными у другихъ путешественниковъ — Смита, Гарриса, Рюппеля, Буршала, Буркхарда, Рихарда и др.

Прежде Бегемоты водились во всей Африкѣ отъ устья Нила до мыса Доброй Надежды; но ихъ такъ много было, что они почти вездѣ перевелись и находятся теперь въ немногихъ только мѣстахъ. Въ Нижнемъ Нилѣ, во времена владычества Римскихъ Императоровъ, Бегемотовъ было очень много, но въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ, а водятся они въ Верхнемъ Нилѣ и въ рѣкахъ, въ него впадающихъ. Равнымъ образомъ и въ южной Африкѣ они также перевелись, или лучше сказать удалились изъ нея. Прежде ихъ было очень много въ рѣкахъ, протекающихъ къ востоку отъ Капа, нынѣ же тамъ ихъ вовсе нѣтъ. Burchell, Левальянъ и другіе путешественники стрѣляли Бегемотовъ въ Канской области; Смитъ нашелъ ихъ уже въ рѣкахъ, протекающихъ близъ южнаго поворотнаго круга; но здѣсь тогда этихъ животныхъ было такъ много, что нѣкоторые изъ Смитовыхъ людей въ полтора часа успѣли застрѣлить семь Бегемотовъ, и конечно могли бы убить еще болѣе, если бы окружили прудъ, въ которомъ, какъ кажется, находилось цѣлое стадо. Вездѣ, гдѣ жители имѣютъ огнестрѣльное оружіе число Бегемотовъ быстро уменьшается; въ Донголдъ теперь въ цѣлый годъ удается убить не болѣе одного или двухъ; а въ продолженіе времени съ 1821 по 1823 ихъ убито десять штукъ. Но путешественникъ Буркардтъ за двадцать лѣтъ раньше нашелъ въ той же странѣ большое количество Бегемотовъ; они причиняли тамъ много вреда и люди очень ихъ боялись; слѣдственно немногихъ лѣтъ было достаточно, чтобы почти совсѣмъ уничтожить ихъ. Далѣе къ югу Бегемотовъ болѣе. Гаррисъ и Раше-де-Гарикуръ, находясь въ Силоѣ, нѣсколько разъ участвовали въ охотѣ за Бегемотами; Сальтъ видѣлъ много Бегемотовъ въ Факацѣ, рѣкѣ, протекающей черезъ Абиссинію и падающей въ Нилъ; они держались въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ этой рѣки, имѣющей много пороговъ, и весело играли въ ней. Ричардъ и Джонъ Ландеръ нашли очень много Бегемотовъ въ Нигерѣ, а Клаппертонъ въ озерѣ Муттаби и Борну, въ большомъ Чадекомъ озерѣ и его притокахъ. Клаппертонъ видѣлъ какъ Бегемоты выходили изъ озеръ и рѣкъ пастись по берегамъ.

Вслѣдствіе новѣйшихъ наблюденій надобно думать, что порода Бегемотовъ, живущихъ въ южной Африкѣ, отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ Сенегальской и Абиссинской.

Различіе это, основанное на устройствѣ зубовъ, очень незначительно, и для человѣка, наблюдающаго неваръ живую, на свободѣ ходящую, вѣроятно, вовсе незаметно; сверхъ того, чтобы удостовериться въ немъ, надобно бы было наблюдать Бегемотовъ во всѣхъ упомянутыхъ странахъ, къ чему я не имѣлъ случая, и потому не стану входить въ сужденія о раз-

личій обѣихъ породъ, а просто разскажу что знаю о породѣ или разности Бегемотовъ, обитающей въ южной Африкѣ.

Хотя Бегемотъ принадлежитъ къ числу величайшихъ созданий творенія, судя по его громадности, однакожъ, человѣкъ, охотясь за нимъ не долженъ ожидать тѣхъ живыхъ, тревожныхъ ощущеній, которые сильно волнуютъ сердце. Охота за Бегемотомъ сходствуетъ нѣкоторымъ образомъ съ рыбною ловлею. Здѣсь нужно имѣть столько же терпѣнія, сколько при ужении; здѣсь охотникъ долженъ усвоить себѣ недвижность цапли, долженъ умѣть прятаться какъ выхъ и видѣть зорко, какъ крокодилъ, отнюдь не обнаруживая своего присутствія; особенно же чрезвычайно вѣрнень долженъ быть глазъ его, ударъ быстръ какъ молнія, и притомъ попадать надобно непремѣнно между глаза и уха.

Впрочемъ, стрѣльба въ Бегемота есть занятіе довольно пріятное; нельзя не чувствовать совершеннѣйшаго самодовольствія когда попадешь вѣрно, потому что для прицѣла и стрѣльбы имѣешь только что двѣ три секунды и лишь въ то самое время какъ всплываетъ вода, огромная черная голова животного выставится, дыхнетъ, наклонится и опять исчезнетъ; сверхъ того цѣль, въ которую нужно попасть, представляетъ поверхность не болѣе какъ въ шесть квадратныхъ дюймовъ и отстоитъ отъ васъ на 70 или на 110 шаговъ. Голова Бегемота конечно, огромная, но черепъ, облекающій мозгъ, такъ малъ, что очень трудно застрѣлить это животное, когда оно выходитъ изъ воды подышать. По первому, котораго мнѣ удалось убить, было сдѣлано двадцать семь ружейныхъ выстрѣловъ; семь пуль пробили ему голову насквозь и только одна послѣдняя причинила смерть. Въ другой разъ мнѣ и людямъ мнѣ довелось, въ продолженіе получаса, ранить двадцать восемь Бегемотовъ и всѣхъ въ голову; однакожъ не прежде какъ уже къ вечеру мы вытащили только одного жертваго, да и тотъ былъ не изъ тѣхъ, которыхъ мы ранили утромъ.

За Бегемотомъ охотятся двоякимъ образомъ: или на сушѣ, или въ рѣкѣ. На сушѣ его бьютъ ночью, когда онъ выходитъ изъ рѣки бѣтъ тростникъ, или пасется на лугахъ. Въ это время его выжидаютъ или спрятавшись гдѣ нибудь въ укритіи, или нападаютъ на него на пастбищахъ. При свѣтѣ луны довольно трудно попасть въ него, и скака отъ продолжительнаго выжиданія еще усиливается тѣмъ, что на охотника налетаетъ безчисленное множество мушкетовъ. Итакъ къ стрѣльбѣ ночью прибѣгаютъ немногіе, она невыгодна, и только самые отважные охотники, туземцы и страстные любители Бегемотова жира рѣшаются на этотъ способъ охоты.

Днезъ Бегемотъ постоянно сидитъ въ водѣ, и его

стрѣляютъ только въ то время когда онъ выходитъ подышать. Трудности этого способа охоты уже извѣстны; для отвращенія нѣкоторыхъ изъ нихъ выбираютъ обыкновенно удобнѣйшее время дня, которое бываетъ однакожъ непродолжительно.

Охотникъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ очень рано утромъ, какъ скоро окажется свѣту достаточно для того, чтобы различать предметы во ста шагахъ. Тогда вѣтеръ еще не поднялся, вода спокойна, гладка какъ зеркало, и на поверхности ея уже видно нѣсколько черныхъ головъ, совершенно недвижныхъ. Въ это время Бегемоты, кажется, отдыхаютъ отъ ночныхъ путешествій своихъ, можно даже подумать, что они спятъ. Охотясь за ними, пуще всего старайтесь не произвести ни малѣйшаго шума, тихо кладите ружье на подставку, цѣльтесь вѣрнѣе, особенно старайтесь хорошенько намѣтить въ самую середину разстоянія между ухомъ и глазомъ: стрѣляйте! Выстрѣлъ грянулъ, всѣ головы спрятались, одно громадное тѣло припрыгнуло въ водѣ, и отдаленныя скалы, твердые гранитные утесы, разсѣянные по берегу, по горамъ и оврагамъ, принялись повторять другъ за другомъ звукъ выстрѣла. Болѣе минуты проходитъ пока наконецъ утихнутъ звуки отголосковъ столь сильныхъ, что кажется будто въ ущеліяхъ раздаются раскаты грома. Это явленіе легко объясняется чрезвычайною чистотою воздуха въ здѣшнемъ краю и его необыкновенною упругостью.

Но Бегемоты одарены весьма тонкимъ чутьемъ, и не легко впадаютъ въ ошибку. Они не замѣтили, чтобы атмосфера была обременена электричествомъ, запахомъ пороха, распространившійся въ тихомъ воздухѣ, достигъ до нихъ, онъ имъ знакомъ, они чувствуютъ, что человекъ близокъ къ нимъ, а потому соображаютъ свои движенія со степенью опасности.

Головы Бегемотовъ снова появляются на водѣ, по одиночкѣ, или по нѣскольку вдругъ, ежеминутно они выходятъ какъ будто поочередно, каждая переведетъ духъ и снова исчезаетъ. Впрочемъ, и теперь Бегемоты все еще довольно удобно бить. Конечно, они появляются на короткое время, но головы ихъ высываются высоко и стрѣлкѣ есть во что мѣтить, онъ можетъ надѣяться, что пуля его не пропадетъ даромъ. По этой причинѣ выстрѣлы слышались громко; уже у многихъ Бегемотовъ, появившихся для дыханія, льется кровь изъ нодрей и изъ ранъ. Случается, что пули попадаютъ въ морду передъ самымъ глазомъ; раненые такимъ образомъ Бегемоты вынуждены чаще другихъ выходить для переведенія духа, но они болѣе принимаютъ предосторожностей, менѣе открываютъ себя. Примѣру этихъ Бегемотовъ вскорѣ слѣдуютъ другіе, и наконецъ охотнику приходится стрѣлать только по буйволамъ. От-

казаться отъ стрѣльбы Бегемотовъ было бы можетъ быть хорошо, потому что въ нихъ ужъ слишкомъ часто стрѣляютъ и обстоятельства благоприятны для охотника встрѣчаются до крайности рѣдко. На примѣръ, иногда бесполезно бываетъ, ежели пуля пробьетъ морду Бегемота на вылетъ; чтобы убить его такимъ образомъ, пуля необходимо должна пройти черезъ обонятельный каналъ и пробить черепъ, а это бываетъ очень рѣдко и всегда почитается за успѣхъ случайный, неожиданный.

Охотникъ можетъ еще въ такомъ случаѣ вооружиться терпѣніемъ, и дожидаться пока Бегемотъ выйдетъ зѣвнуть. Какъ видится, онъ довольно часто испытываетъ потребность зѣвать, и въ этомъ случаѣ ужаснымъ образомъ открывается свою пасть, такъ что обѣ челюсти его составляютъ прямой уголъ. Трудно, конечно, уловить благоприятную минуту, но за то, если пуля попадетъ въ верхнюю челюсть, Бегемотъ издыхаетъ въ ту же минуту.

Во всякомъ случаѣ, однакожъ, лучше совѣмъ отказать отъ горизонтальной стрѣльбы, потому что пули пущенныя горизонтально, прыгаютъ рикошетомъ, цѣпляясь по водѣ и совѣмъ не попадаютъ въ цѣль. Гораздо удобнѣе помѣститься на какой нибудь возвышенности такъ, чтобы пули могли сколько можно вертикальнѣе проникать въ воду; но если мѣстность не благоприятна для этого, то надобно стараться выгнать Бегемотовъ изъ ямъ, въ которыхъ они скрываются на днѣ рѣки.

Для маневра такого рода самое лучшее пособие составляетъ лодка, на которой можно подплыть къ тому мѣсту рѣки, гдѣ въ глубинѣ сидятъ цѣлыя стада Бегемотовъ. Для того, чтобы извѣдать дно, употребляютъ крѣпкіе дротники (assagayes), привязанные къ длиннымъ шестамъ; ими ощупываютъ дно и колютъ Бегемотовъ, изумленныхъ тѣмъ, что ихъ не оставляютъ въ покоѣ даже въ глубинѣ ямъ, ими самими выкопанныхъ. Бегемоты непремѣнно выдутъ изъ своихъ убѣжищъ, но движенія ихъ при этомъ угрожаютъ лодкѣ большой опасностью. Иногда они ее приподнимаютъ и опрокидываютъ, часто схватываютъ зубами и раздробляютъ; въ такомъ случаѣ приходится иногда спастись впаивъ, потерявъ ружья, что весьма непріятно. Но это еще не все: на днѣ рѣки постоянно таятся крокодилы, незримые наблюдатели всего что происходитъ на поверхности воды, и человекъ, спасающійся впаивъ, легко можетъ сдѣлаться ихъ жертвою. Что же касается до Бегемотовъ, то сколько имъ извѣстно, они не причиняютъ ни какого вреда людямъ, которыхъ лодка ими разрушена или опрокинута, а потому отъ нихъ плывцы не должны ничего опасаться.

Лодку, однакожъ, не всегда можно добыть, и должно замѣнить ее плотомъ; но по недостатку удобнаго для

этой цѣли лѣса, плоты устроиваются весьма непрочные; притомъ и править ими очень трудно, такъ что къ нимъ прибѣгать почти совершенно бесполезно. Иногда охотники пользуются камнями, выдающимися изъ воды или подводными, находящимися въ рѣкѣ. Помѣстясь на такомъ камнѣ, можно быть близко къ Бегемотамъ и имѣть крѣпкую точку опоры. Но даже и въ такомъ случаѣ, когда подобные камни существуютъ въ рѣкѣ, все еще необходимо при подъѣздѣ къ нимъ, измѣрять дно и принимать мѣры противъ нападенія крокодиловъ. Впрочемъ рѣдко случается, чтобы мѣстность достаточно благоприятствовала опытамъ охотниковъ выманить Бегемотовъ изъ ихъ ямъ, потому что животные эти, хотя по наружности кажутся очень глупыми, однакожъ почти всегда превосходно умѣютъ выбирать для себя мѣста, представляющія имъ наиболѣе безопасности.

Читателямъ покажется, можетъ быть, удивительно, что я толкую о ямахъ, въ которыхъ прячутся животныя, и безъ того укрывающіяся на днѣ рѣкъ. Это обстоятельство требуетъ нѣкотораго объясненія. Всѣ рѣки южной Африки въ дождливое время очень многоводны и представляютъ видъ истинно величественный, но зимою и въ засуху онѣ чрезвычайно мелѣютъ. Такъ рѣка Омъ-Филосъ-Омъ-Шлопу, въ 25 миляхъ отъ устья своего, имѣетъ обыкновенно семьдесятъ шаговъ въ ширину и десять футовъ глубины; но иногда она такъ пересыхаетъ, что мы не иначе находили въ ней воду какъ вырывъ въ песчаномъ днѣ ея ямы въ осьмнадцать дюймовъ глубиною. Разумѣется, самыя большія рѣки, наполняющіяся многочисленными притоками, не подвергаются такому крайнему оскуднѣю воды. На примѣръ въ рѣки Тугуэлу и Орипадаютъ многіе притоки, текущіе издалека; однакожъ и въ нихъ иногда такъ мало бываетъ воды, что Бегемоты не могутъ въ ней совершенно укрыться.

Бегемоты знаютъ это еще лучше крокодиловъ; но они не имѣютъ, подобно крокодиламъ, свойства долго жить безъ пищи и зарываться въ илъ или песокъ на нѣсколько недѣль; при томъ они дорожатъ пастбищами, къ которымъ уже привыкли, а потому, побуждаемые инстинктомъ, выкапываютъ извѣдъ въ разныхъ мѣстахъ рѣки ямы, въ которыхъ могутъ имѣть воды, по крайней мѣрѣ на 8 или 9 футовъ глубины. Эти ямы у Бозровъ называются *Zee-koe-gat*. Въ рѣкахъ многоводныхъ довольно трудно избѣгать глубины такихъ ямъ; но мнѣ случалось видѣть ихъ близъ Тропика Рака, въ 159 Французскихъ миляхъ отъ ближайшаго морскаго берега, въ рѣкѣ Ури, иначе называемой Лимпопо; когда вода была въ этой рѣкѣ, то на днѣ ея открылись въ разныхъ мѣстахъ многочисленные ямы, часто соприкасавшіяся одна съ другой;

по этой причинѣ я могу, не опасаясь противорѣчія, опредѣлить настоящіе размѣры подобныхъ ямъ. Вообще онѣ имѣютъ пятнадцать футовъ въ длину, семь въ ширину и восемь или девять въ глубину; въ нихъ могутъ укрываться до двѣнадцати Бегемотовъ и даже болѣе, потому что часто они сидятъ въ этихъ ямахъ, плотно соприкасаясь другъ съ другомъ. Довказательствомъ этой привычки служить то, что головы Бегемотовъ, когда они выходятъ подышать, всегда являются въ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Иногда эти ямы сообщаются между собою посредствомъ дороги, сдѣланной на подобіе рва; во многихъ рѣкахъ Бегемоты даже выкапываютъ вдоль по всему дну рвы, служащіе имъ покрытымъ путемъ. Такой ровъ существуетъ, на примѣръ, въ рѣкѣ Омъ-Лаласъ, черезъ которую мы перѣзжали въ бродъ, на глубинѣ трехъ или четырехъ футовъ, а какъ въ упомянутомъ рву было гораздо глубже, то мы вдругъ проваливались и повозки наши подвергались значительнымъ поврежденіямъ.

Если идти вдоль по берегу рѣки, служащей жилищемъ для Бегемотовъ, которыхъ человекъ еще не тревожилъ, то вездѣ найдешь подобныя ямы, даже по сосѣдству къ истоку рѣки; но всегда, чѣмъ рѣка многоводнѣе, тѣмъ больше въ ней живетъ Бегемотовъ. Такимъ образомъ, во время засухи, этихъ животныхъ можно найти лишь въ глубокихъ озерахъ и въ широкихъ устьяхъ рѣкъ. Это отъ того, что по мѣрѣ обмеленія рѣкъ, Бегемоты постепенно удаляются въ такія мѣста, гдѣ воды еще достаточно для нихъ. Тогда они въ количествѣ гораздо болѣе являются и на приморскихъ берегахъ, гдѣ слѣды ихъ скрещиваются во всѣхъ направленіяхъ.

Такимъ образомъ Бегемоты бывають вынуждены удаляться изъ внутреннихъ областей даже и въ томъ случаѣ, когда человекъ не тревожитъ ихъ. Впрочемъ, объ этихъ переходахъ Бегемотовъ, вынуждаемыхъ недостаткомъ воды, я узналъ въ то время, когда въ областяхъ, мною посѣщенныхъ, еще не появились Европейцы; но вскорѣ послѣ того Бегемотовъ начали часто и въ большомъ количествѣ истреблять въ верхнихъ частяхъ рѣкъ, гдѣ охотѣ за ними особенно способствуетъ незначительная глубина и малая ширина рѣкъ. Тогда животныя эти поияли невыгоду, которая предстоила имъ въ рѣкахъ узкихъ и маловодныхъ, и удалились ближе къ морю, гдѣ рѣки шире и глубже.

Бегемотовъ находятъ и теперь еще въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моря; но въ послѣднія пять или шесть лѣтъ число этихъ животныхъ въ Натальской области чрезвычайно уменьшилось; въ 1839 году, посѣтивъ эту область, я нашелъ ихъ менѣе шестой доли противъ прежняго. Въ концѣ 1842 года, бывши близъ устья Тугуэлы, я насчиталъ до ста Бегемотовъ на протяженіи трехъ Французскихъ миль.

Тутъ было бы за чѣмъ поохотиться; но Бегемоты сдѣлались чрезвычайно осторожны, держались очень далеко отъ берега и вообще умѣли такъ уклоняться отъ выстрѣловъ, что охотники теряли только по напрасну время и не могли убить ни одного.

Чтобы дать болѣе вѣрное понятіе объ уменьшеніи числа Бегемотовъ и о той осторожности, къ которой они начали, мало по малу, прибѣгать, считаю нелишнимъ представить слѣдующее исчисленіе этихъ животныхъ, убитыхъ въ разное время, въ южной Африкѣ. Въ 1839 году, три человѣка, въ продолженіе одного мѣсяца, убивали въ рѣкѣ Тугуэлъ отъ 30—36 Бегемотовъ; въ 1840 отъ 21—23; въ 1841 10; въ 1842—4, въ 1843 1—2, а иногда въ цѣлый мѣсяцъ имъ не удавалось убить ни одного.

Во времена Леваляна въ Капской колоніи, особенно въ Берговой рѣкѣ, было чрезвычайно много Бегемотовъ, но теперь во всей этой мѣстности остались только два старые самца, которыхъ я видѣлъ въ 1838 году въ помѣстьи Г. Мелька, знаменитаго коннозаводчика. Онъ считаетъ этихъ животныхъ своею собственностью и всячески охраняетъ ихъ. Самые старые жители изъ Готтентотовъ увѣряли меня, что знаютъ этихъ Бегемотовъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ, съ самаго дѣтства своего.

(До слѣд. №.)

БАНАНЪ.

(По Шейдену и Карлу Риттеру).

(Окончаніе.)

Очень любопытнотобстоятельство, что въ Америку завезенъ Бананъ даже изъ Австраліи. Оно доказываетъ, что растеніе это распространилось, въ извѣстной полосѣ, вокругъ всего земнаго шара. Такъ мы видимъ, что Бананъ растетъ на островѣ Пасхи, на островахъ Товарищества¹⁾, а по увѣренію Дж. Кука и Форстера, онъ давно уже разводится жителями всѣхъ острововъ Южнаго Океана. Кравордъ утверждаетъ, что нѣтъ ни одного изъ Австральскихъ острововъ, гдѣ не росли бы Бананы; они распространены также по всему сѣверному берегу Австральскаго материка отъ пролива Торрессова до мыса Смоки, подъ 30 градусомъ, 45 минутами южной широты. Это равняется съ широтою крайней оконечности Малабарскаго берега, который можно рѣшительно принять за первоначальную родину вида Банановъ, извѣстнаго подъ названіемъ *Musa sapientum*, что достаточно доказывается даже именемъ ея и свидѣтельствомъ Плинія, хотя впрочемъ, мы еще не можемъ сказать утвердительно при-

надлежить ли Американскій *Platano Arton* къ Сапскритскому роду Банановъ, точно ли Муза, растущая въ Аравіи, въ Оманѣ, пересажена изъ Индіи, въ самомъ ли дѣлѣ *Калмбури*, Арабами распространенный на западъ до Средиземнаго моря и Канарскихъ острововъ, есть видъ Индійскаго Банана. Если же это будетъ со временемъ дознано, то окажется, что Бананъ проникъ въ Новый Свѣтъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Полоса, по которой распространялся Бананъ, не только въ географическомъ, но и въ физическомъ отношеніи обширнѣе полосы, по которой распространилось кокосовое дерево. Именно Бананы растутъ въ тропической Америкѣ по обѣимъ сторонамъ экватора до 33 градусовъ широты; въ Старомъ Свѣтѣ, въ Африкѣ они достигаютъ, по увѣренію Лихтенштейна, до Пизанговой рѣки, текущей въ области Утеникѣ и падающей въ Плеттенберговъ заливъ; на сѣверъ они распространились отъ Канарскихъ острововъ до Испаніи и далѣе до 35 градуса сѣверной широты. Бананы растутъ также на восточномъ берегу Китая, гдѣ ихъ называютъ *Тсеу*; они достигаютъ на сѣверъ черезъ Формозу до Ліукиускихъ острововъ и до города Ханъ-чу-фу, лежащаго подъ 30 градусомъ сѣверной широты, при южной оконечности Императорскаго канала. Здѣсь Барроу видѣлъ очень много прекрасно-растущихъ Банановъ. Въ Японской *Энциклопедіи* Бананы¹⁾, вмѣстѣ съ кокосами, арекою, финиками, якомъ (*artocarpus integrifolia*) и другими плодами, помѣщены въ отдѣленіи иностранныхъ, привозныхъ плодовъ. По этой причинѣ, надобно полагать, что въ Японіи Бананъ не растетъ²⁾, хотя на югѣ отъ экватора, онъ достигаетъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, почти до тѣхъ же градусовъ широты, подъ которыми сѣвернѣе экватора находится южная оконечность Японіи. Вѣроятно, однакожь, и въ этомъ государствѣ можно воспитывать Бананъ въ садахъ.

На всемъ западномъ полуостровѣ Индіи Бананъ распространенъ отъ южной оконечности Шейлона до подножья Гималайскаго хребта; подобно *Elatae sylvestris* отъ низменныхъ прибрежныхъ странъ онъ достигаетъ по горамъ и долинамъ до плоской возвышенности, отъ которой уже начинаются собственно Гималайскія горы. На это достопримѣчательное распространеніе прежде не обращали вниманія, оно открыто лишь въ новѣйшее время. «Въ городѣ Канди, на островѣ Цейлонѣ, говоритъ Сауэрсъ, при встрѣчѣ епископа Геберса, по всѣмъ ушамъ были посажены, въ видѣ аллеи, Банановыя деревья, что представляло очаро-

¹⁾ Именно съ острова Таити, какъ видно выше, онъ завезенъ въ Перу.

¹⁾ У Японцевъ Бананъ называется *Фансисао*.

²⁾ Кемпферъ въ своемъ описаніи Японіи не упоминаетъ о Бананѣ.

вательное украшение. Однакожь, отправившись изъ этого города на юго-западъ, къ Адамовой горѣ, мы не прежде какъ на третій день пути, пройдя по гористой пустынной странѣ, увидѣли въ первый разъ Бананы, растущіе въ дикомъ состояніи. Въ этомъ состояніи растеніе это даетъ плодъ незначительной величины, содержащій мало мякоти, но много сѣмянъ. Последнее служить доказательствомъ, что Бананы эти были не то чтобы одичавшіе, пересаженные изъ другихъ мѣстъ, но самобытно произращенные природою. На сѣверѣ Индостана, Бананъ растетъ на высотѣ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ самой полуденной части Дуаба, близъ Сегеранпора, тамъ гдѣ находится предѣлъ распространенію пальмовыхъ деревьевъ. Онъ можетъ даже зимовать здѣсь на воздухѣ, потому что будучи снабженъ охранными чешуйками, способнѣе, лучше Манго и Custard-Appl (Annona tripelata) выдерживать известную степень холода. Въ этой странѣ Бананъ даетъ еще плоды, годные въ пищу, и, наравнѣ съ бамбукомъ (Bambusen) кажется, у подошвы Гималайскаго хребта, сохранился еще во многихъ мѣстахъ, въ дикомъ состояніи. Бананъ проникъ даже въ гористый Пеналь, который, съ своими холодными горными высями и жаркими, отвсюду по срединѣ горъ огражденными отъ вѣтровъ лощинами, соединяетъ по диковинной противоположности, растительность и тропическую, и свойственную сѣвернымъ странамъ, такъ что въ немъ растутъ съ одной стороны громадные пальмы *Chamaecops martiana* (по доктору Валиху) и ананасы, а съ другой разныхъ родовъ дубы и сосны. Бухананъ замѣчаетъ, что хотя въ Катманду зимою Бананы замерзаютъ до самаго корня, однакожь весною отъ этого корня появляются новые отрѣски. По словамъ того же наблюдателя, въ самыхъ низменныхъ долинахъ, въ Наякотѣ и другихъ областяхъ, Бананъ доставляетъ еще превосходнѣйшіе плоды. Поэтому очень вѣроятенъ фактъ, которому до сихъ поръ не вѣрили, именно, что Султану Баберу дѣйствительно удалось развести въ своемъ большомъ Кабулистанскомъ саду, недалеко отъ крѣпости Адинапура, вмѣстѣ съ сахарнымъ тростникомъ и Бананъ, красотою котораго Баберъ плѣнился въ Индію, во время своего четвертаго похода въ эту страну. Оба эти растенія, по собственному сказанію Бабера, хорошо прижились въ упомянутомъ саду, который находился въ сѣверо-восточной части Суведъ-Кога, слѣдственно въ самомъ высшемъ мѣстѣ Желлабада, между Индомъ и Кабуломъ, въ лошинѣ, защищенной горами отъ холодныхъ вѣтровъ. Если Бананъ прижился ужъ здѣсь, то конечно, можетъ расти въ дикомъ состояніи въ Джиттагонгѣ. По словамъ Турнбулля-Кристе дикорастущіе Бананы падаются также и на низменныхъ горахъ западнаго

Гатскаго хребта, въ Дарварской области, а по увѣренію Буханана его воспитываютъ въ садахъ на Сундской плоской возвышенности. Во всей средней и сѣверной части Малабарскаго побережья, а также въ Тулавѣ, Бананъ, который туземцы называютъ *Ra-indra valla*, составляетъ главное произведеніе. Черезъ 7 или 8 мѣсяцевъ послѣ посадки этого растенія, оно уже приноситъ плоды, которые не прекращаются въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Послѣ того стволъ срубаютъ, а черенки отъ него разсаживаютъ далѣе. На самой Майсурской плоской возвышенности тотъ же видъ *Musae sapientum* повсюду разводится искусственно; онъ находится также въ садахъ, гдѣ разводится арека, и въ другихъ плантаціяхъ Сурской и сѣверо-Майсурской области, въ Хинапурѣ въ западномъ Бангалорѣ, и въ среднемъ Кавери на востокѣ Серинганама, гдѣ разведеніемъ этого растенія занимается каста Солигасовъ. Равнымъ образомъ въ Коимбеторѣ вездѣ находятся банановыя сады, такъ, что Бананъ распространенъ всюду вокругъ подошвы и по склону Нильгерскихъ горъ.

И такъ Малабаръ и западный Остъ-Индскій полуостровъ могутъ быть почитаемы родиною какъ дикорастущаго Банана, такъ и разводимой руками человѣческими *Musae sapientum*, не смотря на то, что растеніе это распространилось къ востоку по островамъ Южнаго Океана, и къ западу по Азіи, Африкѣ и даже за Атлантическій океанъ. Хотя нельзя утверждать, чтобы въ Остъ-Индіи, Бананъ составлялъ также какъ въ Вестъ-Индіи, насущный хлѣбъ жителей и служилъ замѣною риса, всюду разводимаго въ Остъ-Индіи и въ Китаѣ, или зерноваго хлѣба, воздѣлываемаго въ Европѣ, однакожь и въ Азіи онъ служитъ общимъ, весьма распространеннымъ питательнымъ веществомъ, и не составляетъ здѣсь *главнаго* питательнаго вещества только потому, что Старый Свѣтъ, особенно же тропическая Индія, до такой степени обилуетъ разными растеніями, годными въ пищу, что ни одно изъ нихъ не можетъ служить *исключительно* для питанія человѣка. Въ этомъ обиліи туземныхъ растительныхъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, которыми Америка обладаетъ въ степени гораздо меньшей нежели Азія, и которыхъ въ Австраліи вовсе не имѣется, нѣкоторые писатели находили физическое преимущество восточной Индіи передъ западною; по Риттеръ видитъ въ немъ только особый родъ обогащенія для Америки и Австраліи, которыхъ почва, по его увѣренію, гораздо болѣе всякой другой способна усваивать себѣ чуждые дары природы.

Превосходными изслѣдованіями Ал. Гулболдта ясно доказано, что Бананъ изъ всѣхъ растеній наиболѣе замѣчателенъ своимъ мучнистымъ питательнымъ веществомъ, а потому является преимущественно пер-

воначальнымъ даромъ природы безпомощному еще человечеству, даромъ, способнымъ посредствомъ постоянного возобновленія питательнаго вещества предохранить людей отъ гибели, которую они нерѣдко собственнымъ безразсудствомъ могли навлекать на себя. Въ этомъ отношеніи Бананъ сходствуетъ съ источниками свѣжей воды, которые и безъ помощи человѣка никогда не иссякаютъ.

Въ Малабарѣ плоды Банана снимаются еще незрѣлые и приготавлиются въ пищу различнымъ образомъ, болѣею частью съ рисомъ; но здѣсь Бананъ не въ такомъ общемъ употребленіи какъ въ тропической Америкѣ и Востѣ-Индіи. На восточныхъ островахъ банановые плоды служатъ не только общимъ питательнымъ веществомъ, но и лакомствомъ; ими кормятъ даже грудныхъ дѣтей; впрочемъ, здѣсь ѣдятъ разныхъ сортовъ банановые плоды сырые, или жареные и изготовленные какимъ бы то нибыло образомъ; по сушеныхъ, или обращенныхъ въ муку, какъ это водится въ Востѣ-Индіи, ихъ не употребляютъ. Между плодами, снимаемыми съ нѣкоторыхъ породъ банановъ, искусственно разводимыхъ, есть такіе, особенно между крупными, которые въ сыромъ видѣ не могутъ быть употребляемы въ пищу, но должны быть предварительно изжарены, сварены, или высушены. Европейцамъ, впрочемъ, лишь немногіе роды Банановъ нравятся, и то изъ тѣхъ, которые съ помощію искусственнаго воспитанія приобрѣли особенный вкусъ; сырой плодъ даже и нынѣ почитается нездоровымъ для Европейцевъ, также какъ нѣкогда былъ вреденъ для солдатъ Александра Великаго, который по переходѣ черезъ Гифазисъ запретилъ воинамъ своимъ ѣсть этотъ плодъ¹⁾. Въ тропической Америкѣ искусственное разведеніе Банана гораздо болѣе распространено, потому что плодъ его употребляется тамошними жителями ежедневно въ пищу и замѣняетъ имъ хлѣбъ. Тамашній Бананъ (Platano Arton), малымъ чѣмъ отличающийся отъ Индійской Музы, даетъ плоды до безконечности разнообразныя.

Плоды эти въ жаркихъ равнинахъ бываютъ длиною въ 7 или 8 дюймовъ; съ каждаго дерева ихъ собираютъ ежегодно отъ 160 до 180 штукъ, которые въ совокупности вѣсятъ 60 и 80 фунтовъ. На самой даже Мексиканской плоской возвышенности Гумбольдтъ насчитываетъ до 50,000 Французскихъ квадратныхъ миль почвы, годной подъ разведеніе Банановъ. Трудно, говоритъ Гумбольдтъ, найти другое растеніе, которое на одинаковомъ пространствѣ могло бы дать столь же большое количество питательнаго вещества какъ Бананъ. Растеніе это по прошествіи 8 или 9 мѣсяцевъ достигаетъ совершеннаго возраста, а черезъ 10 или

11 мѣсяцевъ можно уже ѣсть плоды его. Когда стволъ срубятъ, то между многочисленными отпрысками, вырастающими отъ корня, всегда можно найти одинъ такой, который достигъ уже двухъ третей полнаго роста, свойственнаго Банану, и три мѣсяца спустя можетъ, также какъ и срубленный стволъ, приносить плодъ.

Вотъ почему такая банановая плантація (platanar) поддерживается почти безъ всякаго содѣйствія со стороны человѣка, которому стоитъ только срубить растеніе, какъ скоро плоды съ него сняты, и новые стволы вырастутъ сами собою.

Сверхъ того человѣку приходится разъ или два въ годъ прокопать вокругъ корня землю для того, чтобы доставить ему доступъ воздуха. На пространствѣ 100 квадратныхъ метровъ можетъ расти 30 или 40 Банановъ; а какъ плоды на каждомъ изъ нихъ, въ совокупности, по самому умѣренному расчету, вѣсятъ круглымъ числомъ отъ 30 до 40 фунтовъ, то при двойномъ, въ продолженіе года сборѣ, какъ сказано выше, означенное пространство доставитъ непремѣнно 4,000 фунтовъ питательнаго вещества; это уже по одному только вѣсу, не принимая въ расчетъ степень питательности, составляетъ несравненно болѣе нежели сколько могутъ принести на томъ же пространствѣ другія, мучнистое вещество содержащія, растенія, какъ на примѣръ Европейскій зерновой хлѣбъ, или даже картофель, имѣющій способность сильно располагаться. Пшеница, посѣянная на томъ же пространствѣ, при урожаѣ самъ-десять, даетъ лишь 30 фунтовъ, а картофель только девяносто фунтовъ питательнаго вещества; итакъ сборъ съ Банана содержится къ сбору, доставляемому пшеницею, какъ 133 къ 1, а къ сбору картофеля, какъ 90 къ 1.

Зеленый незрѣлый плодъ Банана во многомъ не сходствуетъ съ желтымъ, то есть зрѣлымъ. Въ зрѣломъ плодѣ находится вполне развитое сахаристое вещество и при томъ въ такомъ количествѣ, что если бы даже вдругъ перевелся сахарный тростникъ, то Бананъ могъ бы замѣнить его гораздо лучше Европейской свекловицы, въ которой несравненно меньше сахарнаго вещества, нежели въ зрѣлыхъ плодахъ Банана. Напротивъ незрѣлые зеленые плоды содержатъ питательное мучнистое вещество, и въ количествѣ гораздо болѣе, нежели рожь, рисъ, мучнистыя корнеплодные растенія и саго. Бананъ доставляетъ болѣе питательнаго вещества нежели и самая пшеница; поле, засаженное Бананами, питаетъ въ въ Америкѣ пятьдесятъ человѣкъ Индійцевъ, между тѣмъ какъ такое же поле, засѣянное пшеницею, можетъ прокормить лишь двухъ человѣкъ. Вотъ почему, замѣчаетъ Гумбольдтъ, огороды и плантаціи Американскихъ Индійцевъ бывають такъ малы, несмотря на

¹⁾ Plin. Н. Н. XII. с. 12.

многочисленность жителей, которым плантации эти принадлежать. Гумбольдту часто случалось видеть, что весь обходъ нѣсколькихъ Индійцевъ состоялъ изъ небольшого количества маниока и трехъ только банановыхъ плодовъ крупной породы. Еще менѣе достаточно для Индійскихъ браминновъ (sapientes); четверо ихъ, какъ говорятъ, насыщаются однимъ лишь банановымъ плодомъ¹⁾. Сахаръ въ жаркихъ странахъ очень сѣтитъ; тамъ небольшого количества сахарнаго тростника достаточно для насыщения челоѣка; точно такъ же въ Африкѣ путникъ набѣдаетъ камедью, вытекающею изъ дерева *Mimosa nilotica*.

Зрѣлый плодъ Банана и въ Востѣ-Индіи равнымъ образомъ подвергается разнообразному приготовленію; просушенный на солнцѣ, онъ получаетъ вѣтчинный запахъ и поступаетъ въ торговлю какъ здоровое кушанье; изъ него готовятъ также муку, изъ которой пекутъ и хлѣбъ. По причинѣ легкости, съ какою это растение возникаетъ вновь изъ своихъ корней, оно имѣетъ преимущество передъ хлѣбнымъ деревомъ (*Artocarpus bengal.*), которое, хотя въ продолженіе осьми мѣсяцевъ приноситъ плодъ, но за то долѣе всѣхъ другихъ плодовыхъ деревьевъ не достигаетъ полнаго возраста, такъ что будучи истреблено во время войны между дикими народами, долго оставляетъ жителей терпѣть нужду, между тѣмъ какъ Бананъ, будучи срубленъ, поистеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, опять вырастаетъ и приноситъ плодъ. И такъ Бананъ есть самое полезное растение, и весьма вѣроятно, что во времена глубокой древности, когда люди вовсе еще не знали никакого селско-хозяйственнаго производства, оно и жителямъ Остѣ-Индіи служило общимъ и единственнымъ питательнымъ веществомъ.

Только двухъ дней труда въ недѣлю требуетъ Бананъ, чтобы въ продолженіе этого времени пропитать самую многочисленную семью. Отсюда происходитъ предположеніе безумныхъ преобразователей и близорукихъ друзей челоѣчества, которые советуютъ истребить повсюду въ тропическихъ странахъ Бананы, для того, чтобы извлечь тамошнихъ жителей изъ ихъ лѣни, усныленія и безпечности, и такимъ образомъ насильственно вынудить ихъ къ тому, чтобы они обратились къ земледѣлію. Это все равно какъ еслибы кто нибудь вздумалъ доставить пользу челоѣчеству уничтоженіемъ всѣхъ источниковъ, доставляющихъ воду для питья.

¹⁾ *Fructus admirabilis succi dulcedine, ut uno quaternos satiet. Plin. XII: 12.*

С М Ъ С Ъ.

БАСНОСЛОВНОЕ ЖИВОТНОЕ. Животное царство, нынѣ живущее на землѣ, еще далеко не изслѣдовано во всей его полнотѣ и, вѣроятно, пройдетъ еще много времени пока челоѣчество достигнетъ до этого. Внутреннія земли Азіи, Австраліи, Америки и въ особенности Африки заключаютъ въ себѣ огромныя пространства, на которыхъ никогда еще не ступала нога естественнаго наблюдателя. Въ особенности Африка, — этотъ центръ земной жизни, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ еще много большіхъ четвероногихъ и птицъ, до сѣдѣ намъ неизвѣстныхъ. Съ недавняго времени только стали знать мы о существованіи *Kiam Gou*; но баснословный единорогъ ускользаетъ еще до сихъ поръ отъ изслѣдованія. Нѣмецкій путешественникъ Фердинандъ Верне извѣщаетъ въ своемъ путешествіи въ Сенааръ («Reise durch Sennar nach Mandera, Nasab und Cheli. Berlin 1852») объ одномъ животномъ, въ которомъ онъ думалъ найти баснословнаго единорога. Одинъ дервишъ, котораго онъ встрѣтилъ недалеко отъ Голубаго Нила, рассказывалъ ему про одно такое животное, живущее въ пограничныхъ горахъ Габеша и называемаго *Мереммери*. Онъ утверждалъ, что видѣлъ этого звѣря, пойманнаго въ ямѣ, гдѣ его убили; величина его была болѣе лошади, но менѣе слона; грива касалась почти до земли, а на головѣ былъ у него рогъ. Абусинъ великій шейхъ Шукуры подтвердилъ это извѣстіе, сказавъ, что дѣйствительно подобное животное водится на высокихъ горахъ, въ особенности въ землѣ Шанъ-Галла, и что это очень извѣстный фактъ, но что съ своей стороны онъ никогда не видалъ подобнаго животнаго. Онъ поручилъ дервишу принести этотъ рогъ и подарить его Верне. Этотъ рогъ до своего обращенія въ военную трубу Шанъ-Галла долженъ былъ быть длиною около 3 футовъ; онъ согнутъ и какъ кажется, долженъ принадлежать какой нибудь антилопѣ, изъ большой породы. Онъ находится теперь въ Королевскомъ Берлинскомъ музеѣ. При давленіи рожъ распросталъ сообщилъ дервишъ, что это животное имѣло еще по бокамъ рога, которые были назавъ загнуты; хотя его нельзя принять за баснословнаго единорога, но кажется это еще неизвѣстное до сихъ поръ въ Зоологіи животное. (Otto Ule: Die Natur № 34.)

ЛЮБОВЬ КУКУШКИ КЪ СВОИМЪ ДѢТЕНЬШКАМЪ.

Слѣдующій случай, сообщаемый г. J. J. Briggs, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что кукушка принимаетъ участіе въ судьбѣ своихъ дѣтенышей. Въ Іюнѣ 1849 года г. Briggs шелъ по полю съ собакою и былъ изумленъ страннымъ пріемомъ кукушки, которая съ видимымъ страхомъ кружилась около него, на подобіе чибиса, и нѣсколько разъ бросалась на собаку. Ему точнѣе пришло на мысль, что вблизи должно быть гнѣздо, въ которомъ у кукушки есть дѣтеныши, и онъ сталъ искать его по сосѣднимъ кустамъ, но безъ успѣха. На слѣдующій день, однако, крестьянинъ принесъ ему молодую кукушку, вынутую изъ гнѣзда полевого воробья, которое, какъ оказалось, поспрѣжѣ, находилось въ самомъ близкомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ старая кукушка выкалывала такое необыкновенное безпокойство (The Zoologist 1849 Nov.).